

- Набоков В. В.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990.
Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода: В 5 т. СПб., 1999.
Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. СПб., 1999—2000.
Набоков о Набокове и прочем: Интервью. Резенции. Эссе. М., 2002.
Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова // Владимир Набоков: pro et contra. СПб., 1997.

Н. Н. Попкова

ОТРАЖЕНИЕ ЖИВЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Динамический образ языка создается художественной литературой. В переломные эпохи «из инструмента описания мира язык становится объектом описания» [Зубова, 2000, 15], сам «поэт невольно превращается в инструмент языка» [Бродский, 1992, 15]. Авторы современных иронических текстов критически осмысливают языковую ситуацию. Комический эффект, возникающий в произведении, привлекает внимание к нестабильности культурно-речевой ситуации, дает возможность объективно оценить языковые сдвиги, осмыслить их причины, установить меру их влияния на общее культурное состояние русского языка.

Впервые результативность лингвокультурологического подхода к анализу поэтических текстов была подтверждена Л. В. Зубовой в монографии «Русский язык в контексте истории языка» [Зубова, 2000]. Автор доказала, что поэты, с одной стороны, следуют современным поворотам в развитии языка, с другой — стремятся закрепить традиции русского литературного языка.

Непосредственный предмет нашего лингвокультурологического анализа — поэзия Игоря Иртеньева, в которой нашли отражение актуальные языковые процессы [см.: Иртеньев, 2002]. Иронические стихи этого поэта, по мнению В. Жука, доказывают, «что в живом языке лишнего не бывает. Как не бывает дурного и незаконного» [Жук, 2002, 15—16]. Выбор материала обусловлен следующими критериями: Иртеньев обладает природным чувством языка и остроумием; в его поэзии зафиксированы важные для нашей страны события последних двадцати лет, повлиявшие на языковые процессы. В исследуемых поэтических текстах нашли отражение различные формы языковой игры [см.: Гридина, 1996; Санников, 1999; Ермакова, 2005], выступающей как органическая часть языкового карнавала и средство существования последнего.

Поэтическая рефлексия Иртеньева направлена на осмысление возможностей архаизмов в современном речевом употреблении. Улавливая тенденцию к утрате высокого, он показывает невозможность восполнения этого стилистического регистра с помощью механического отбора устаревших элементов языка. Так, характерная для традиционного русского восприятия мира поэтизация женщины,

исключающая откровенность в описании телесного, обнаруживает стилистическое и содержательное отталкивание лексических архаизмов от активной лексики с семей 'физическое': *Для чего дано мне тело? / Для того оно дано, / Чтоб в нем жизнь ключом кипела / И бурлила заодно, / Чтобы, сняв с него фуфайку, / Как диктует естество, / Милой деве без утайки / Демонстрировать его* («Что зачем», 1983)¹. В приведенном поэтическом высказывании возникает конфликт архаического существительного *дева*, обладающего культурными коннотациями, и бытовизма *фуфайка*. Конфликт подчеркивает вымывание высокого.

Столкновение ситуации и архаических возвышенных средств в соединении с традиционными поэтическими формулами акцентирует нелепость идеологических догм, их неорганичность по отношению к сфере высокого. Так, поэтическая и идеологическая формульность приводит к профанации высокого: *Словно коршун в синем небе, / Кружит серый самолет. / А во ржи, срывая стебель, / Дева юная поет. / Песнь ее летит с мольбой / В неба кумпол голубой, / И слова ее просты, / Как репейника цветы. <...> / Но не слышит авиатор / Девы пламенный напев. / От вредителей проклятых / Опыляет он посев, / Чтоб не смел коварный враг / Портить наш могучий знак* («Песнь», 1982).

Высокая степень архаичности лексической единицы является причиной ее речевой не востребуемости, что, в свою очередь, отодвигает на периферию восприятия денотативную часть плана содержания при возрастающей осязательности коннотативной доли значения. Например, употребляя существительное *зоил* ('несправедливо придиричивый критик'), Иртеньев стремится не только к реализации его семантического потенциала. Он подбирает экспрессивный, а не денотативный синоним, помещая его в заглавие. Кроме того, намеренное употребление ставшего нарицательным существительного *зоил* на фоне осознаваемого значения имени собственного ('Зоил — древнегреческий философ и ритор, критик Гомера') в данном тексте служит средством иронического снижения образа критика. Словосочетание *ветреные хариты* ('о трех богинях веселья и радости жизни, олицетворяющих изящество и привлекательность') поддерживает текстовую тональность легкомысленной непринужденности: *Твоих стихов охульных звуки / До слуха чуткого дошли, / Была охота пачкать руки, / А то б наелся ты земли. / Но не покину пьедестала, / Хоть мести жар в груди горит, / С зоилом спорить не пристало / Любимцу ветреных харит* («Клеветнику», 1984).

Свойственная современному языковому состоянию редукция высокого проявляется в деромантизации поэтических формул. Например, на фоне шутивно-разговорного глагольного слова присобачил приземляется традиционный поэтический образ орлиного полета. В данном случае реализуется также стилистическая конфликтность — примета языкового карнавала и — одновременно — идиостилевая черта иронической поэзии И. Иртеньева: *Если б кто на спину мне бы / Присобачил два крыла, / Я б летал себе по небу / Наподобие орла* («Мечта о крыльях», 1982).

¹ Здесь и далее цитируется по изд.: [Иртеньев, 2002].

Разговорный контекст, насыщенный бытовизмами (*пьянка, тычут в нос, портянки*), поглощает поэтические символы, выхолащивает их высокий смысл: *Зато они в разгаре пьянки / Не рвут трехрядку на куски / И в нос не тычут вам портянки, / Как символ веры и тоски* («Городским поэтам», 1984).

В текстах Иртеньева отражен и процесс деидеологизации языка. Ключевые советские идеологемы (*серп, молот*) погружаются в чуждую, намеренно сниженную контекстную среду, обнаруживающую их содержательную и аксиологическую несостоятельность: *Грядет в стране великий голод, / Гудят подземные толчки, / Тупеет серп, / Ржавеет молот, / Хрустят разбитые очки* («Грядет в стране великий голод», 1989).

Ирония выявляет идеологическую ложь, разрушает укорененные в языке советской эпохи идеологические оппозиции, обнажает тенденциозность противопоставлений *мы — они, свой — чужой, враг — друг* и др. Так, в стихотворении «Отвратительно, страшно, мохнато...» (1988) идеологема *враг* осмысливается в границах противопоставления *мы — они* с традиционной аксиологической поляризацией — герой И. Иртеньева, надевая маску национал-патриота, употребляет устойчивые атрибутивные конструкции, стереотипные оценочные выражения: *Отвратительно, страшно, мохнато, / Воплощая всемирное зло, / На восток расширялся НАТО / И до нас невзначай доползло. / А теперь эти самые братья, / Не вернув миллиардных долгов, / Жадной сворой рванулись в объятья / Наших общих недавних врагов.*

Процесс деидеологизации русской лексики в наши дни «сочетается с неупорядоченным процессом ее идеологизации» [Купина, 1997, 134]. Но создание новой политической терминологии, новых слов-идеологем (*перестройка, объект перестройки*), за которыми стоят известные идеологические стандарты, тоже воспринято поэтом скептически, с иронией: *Быть не хочу ни едоком, ни снедью, / Я жить хочу, чтоб думать и уметь... / Довольно быть объектом перестройки, / Из есмь ея осознанный субъект!* («Ах, отчего на сердце так тоскливо...», 1987). Это может стать свидетельством того, что в обществе возникает «обостренное чувство идеологической истинности: человек не хочет снова стать жертвой языка» [Там же, 137].

Иртеньев чутко воспринимает вербальные ключевые знаки, которые в тексте часто становятся опознавательными знаками времени: *Не говори мне про застой, / Не бреди больную душу, / Мне прожужжали им все уши, / Меня тошнит от темы той. / Не говори мне про застой...* («Застойная песнь», 1989).

Ключевые слова фиксируют экономические изменения, емко и точно характеризуют драматизм перемен, вскрывают причины современных культурно-ценностных предпочтений: *Сраженный пулей рэкетира, / Кооператор юных лет / Лежит у платного сортира / С названьем гордым «туалет»* («Песнь о юном кооператоре», 1989).

Характерная для языкового карнавала игра литературными прецедентными текстами [см.: Караулов, 1987] — черта современного функционирования языка [см.: Земская, 1997, 200] и примета идиостиля Иртеньева. Довольно свободное обращение с общеизвестными литературными текстами органически связано с

процессом демократизации современного литературного русского языка, «расширяющего свои границы не только за счет «языка улицы», но и за счет языка образцового, классического, как бы снижающего в данном случае свой статус» [Солганик, 2001, 328].

Рассмотрение источников прецедентных текстов в творчестве И. Иртеньева не входит в задачу настоящей статьи. Мы назовем лишь некоторые приемы использования прецедентных единиц.

Прецедентная единица помещается в границы контекстного антонимического ряда, причем контраст возникает на базе стилистической конфликтности: *Вот так, умом и телом слаб, / Живу я с той поры — / Ни бог, ни червь, ни царь, ни раб, / А просто — хрен с горы* («Так и живу», 1988). Включение в деформированном и контаминированном виде прецедентных текстов Г. Р. Державина «Бог» (1784) и Н. А. Радищева «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?» (1790—1791) способствует формированию глубокого философского подтекста стихотворения И. Иртеньева. Поэт, размышляя о месте и назначении человека в мире, вступает в философский диалог-спор с писателями XVIII в.: человек от природы беспомощен, слаб, не может самостоятельно найти своего места в мире. Звучит горькая авторская ирония (вульгаризм выступает в качестве лексической замены при деформации прототекстов): современный человек, вынужденный жить в эпоху девальвации ценностей, уже не ощущает своего высокого назначения, не может найти смысла жизни, мнит себя «ником», «хреном с горы».

Игорь Иртеньев иронически переосмысляет традиционное представление о поэте-пророке, его бессмертии и востребованности. Заметим, что это всегда автоирония. Так, в стихотворении «Вот дождь прошел...» (1989) возникает тема пушкинского «Памятника». И. Иртеньев по-новому, иронично представляет тему бессмертия поэта: при деформации правого контекста цитаты возникает неожиданный смысл — лексическая единица с временным значением указывает на конкретный срок бессмертия: *Я лиру верную беру. / Нет, ничем я не умру / В сердцах ближайших поколений / Семи-восьми...*

Текст Иртеньева может быть построен как мозаичное соединение разных прецедентных единиц. Такой прием в значительной степени отражает свойственное нашим современникам поверхностное знание классических источников прецедентных знаков: *Выхожу один я на дорогу / В старомодном ветхом шушуне, / Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, / Впрочем, речь пойдет не обо мне* («Выхожу один я на дорогу», 1996).

В поэзии Иртеньева отражен процесс вульгаризации языка: в текстах активно употребляется лексика маргинальных сфер — прежде всего жаргонная. Используется экспрессивный потенциал жаргонного слова, помещенного в стилистически нейтральный контекст: *Надену я пиджак в полоску / Или, допустим, брюки в клетку. / Достану с понтом папироску / Или, допустим, сигаретку* («Ряд допущений», 1988). Поэт демонстрирует возможности органического вхождения жаргонизма в разговорную контекстную среду, стилистически обуславливающего формирование общего жаргона [см.: Ермакова и др., 1999].

Жаргонная и просторечная лексика выступает и как объект лингвистической критики в том случае, если репродуцируется, пародируется речь чужая, используемая как средство социально-психологической характеристики ролевого героя: *Просыпаюсь с бодуна, / Денег нету ни хрена. / Отвалилась печень, / Пересохло в горле, / Похмелиться нечем, / Документы сперли, / Глаз заплыл, / Пиджак в пыли, / Под кроватью брюки. / До чего ж нас довели / Коммунисты-суки!* («Просыпаюсь с бодуна», 1991).

Иртеньев подчеркивает коммуникативно-эмоциональную ограниченность жаргона, невозможность передачи средствами жаргона не только лирического чувства, но и оценочного обобщения: *Поэт, он кратким должен быть и точным, / Иначе не поэт он, а фуфло. / Короче, я сидел в саду полночном. / А ты, как чмо последнее, не шло* («Сгущалась тьма над пунктом населенным», 1994).

Необходимо отметить, что вульгаризация проникает и в собственно авторский текст. Это связано с отдельными случаями употребления Иртеньевым общенной лексики и фразеологии.

Яркое проявление языкового карнавала — многогранная конфликтность. Иртеньев использует характерное для современной речи соединение в пределах одной строки низкого и высокого. Например, в стихотворении «Средь шумной халявной тусовки» (1999) соединяются жаргонизмы, разговорные элементы, бытовизмы с поэтизмом; прецедентный текст, ассоциативно связанный с возвышением женщины в изысканной обстановке, тайной женского очарования, поэт помещает в вульгаризированный ситуативный контекст, свидетельствующий об общем падении культуры; романсовую интонацию он трансформирует в песенную, используя в качестве источника советскую песню. Такого рода контекстные столкновения отражают переходность современного лингвокультурного состояния русского языка, характеризующегося, с одной стороны, ориентацией на глубокую (дореволюционный период) ретроспекцию, с другой стороны — центростремительными процессами освоения маргинальных нелитературных сфер языка. Приведем текст указанного стихотворения в сокращении: *Средь шумной халявной тусовки, / Где запросто вилки крадут, / Я встретил небесной фасовки / На диво стерильный продукт. <...> / Вот так, среди адского чада, / Свой свет несказанный лия, / Явилась мне Хакамада, / Неспетая песня моя* («Средь шумной халявной тусовки», 1999).

Нашедшая отражение в языке обращенность современной культурной ситуации к экономическим проблемам и прагматизация языкового сознания изображаются в конфликтах материального и идеального, глубинного и поверхностного, правды и доверчивости, лжи и обмана. Концептуальная конфликтность поддерживается игрой с собственными именами (формальной деформацией; искусственным парадигматическим сближением собственных имен, принадлежащих разным культурным парадигмам) и стилистическим конфликтом низкого и высокого: *В тоске французы, в панике японцы, / Поник зулус кудрявой головой, / Как с дуба рухнул индекс Доу-Джонса, / Что предвещает кризис мировой. <...> / Но лично я тревогу бить не стану — / Вселенский этот хипеш не про нас —*

/ Что Джонс, что Доу — нам по барабану, / Да нам и Джоуль с Ленцем не указ.
/ Все тихо-мирно в нашем огороде, / Нас греет свет далеких маяков, / Которые
зажгли Сергей Мавроди / И незабвенный Леня Голубков («В тоске французы, в
панике японцы», 1997).

Конфликт личного и общественного в ситуации политического выбора (стихотворение «За день до выборов», 1999) изображен с помощью воссоздания п р и м и т и в н ы х ц е п о ч е к х о д а м ы с л и [см.: Матвеева, 1990, 43], поддерживаемых поведенческими стандартами и формулами, подменяющими денотативную определенность аксиологической насыщенностью: *Того я помню хорошо, / На нем я крепко фразернулся, / Я с ним в разведку бы пошел, / Чтоб он оттуда не вернулся. / А тот, ну типа, ну такой, / Весь из себя такой, короче, / Ему давно бы на покой, / А он опять лицом хлопочет.*

Языковой конфликт исконного и заимствованного развертывается на фоне конфликтов культурных, ментальных, выявляющих и н о р о д н о с т ь и н е л е п о с т ь неосвоенных заимствований и новокультурем в русской среде. Стилистическим конфликт подчеркивает н е о р г а н и ч н о с т ь элементов такого рода: *Елки-палки, лес густой, / Трюфели-опята, / Был я раньше мен крутой, / Вышел весь куда-то. / Ноу смокинг, ноу фрак, / Даже хау ноу, / У меня один пиджак / Да и тот хреновый* («Дружно катятся года», 1992).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная языковая ситуация выступает в текстах И. Иртеньева как самостоятельный о б ъ е к т с м е х о в о г о . В основе лингвистической критики ирониста — строгое отношение к литературной норме, неприятие различных аспектов вульгаризации русской речи и американизации языка, ведущей к заимствованию неорганичных для русской культуры ценностей. И. Иртеньев, с одной стороны, выявляет потенциал использования средств естественного карнавала, с другой — обнаруживает отрицательные для языковой ситуации последствия карнавализации. Поэт фиксирует и характерный для современной речевой практики разрыв связей с языком классической литературы. Тексты Игоря Иртеньева, высмеивающие крайности идеологизации русского языка советского времени, в то же время предостерегают от возможности новой волны идеологизации.

Л. В. Зубова отмечает, что «конфликт между привычным и новым, нормой и поэтическими вольностями в художественном тексте накладывается на неизбежное противоречие между стабильностью и динамикой языка как двумя условиями его существования и функционирования» [Зубова, 2000, 398]. Гротескность изображения языковых процессов в текстах Игоря Иртеньева позволяет осмыслить роль этих процессов в становлении нового культурного облика современного русского языка. Иронические тексты поэта, являясь несентенциозным вариантом языковой критики, содержат глубокий аксиологический потенциал, полезный для лингвокультурологических практик.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толков. слов. рус. общ. жаргона. М., 1999.

Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, 2005.

Жук В. Поэт Иртеньев // Иртеньев И. М. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 5. М., 2002.

Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.

Земская Е. А. Лингвистическая мозаика: Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX века // Оценка в соврем. рус. яз.: Сб.

ст. Т. 14. Helsinki, 1997.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Слов. и речевые реакции. Екатеринбург, 1995.

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Рус. яз. сегодня / Отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 2. М., 2000.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Солганик Г. Я. Свой текст — чужой текст // Словарь и культура рус. речи: К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001.

М. Х. Надергулов

СЮЖЕТ «ЧИНГИЗНАМЕ» В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (ЗАПИСИ РУССКИХ УЧЕНЫХ XIX в.)

В XVIII—XIX вв. широкое распространение и популярность среди башкир, татар и казахов имело историко-литературное произведение неизвестного автора под названием «Чингизнаме» («Книга о Чингизе»). Первоначальный вариант его был написан предположительно в конце XVI — начале XVII в. Об этом свидетельствуют имеющиеся в тексте народные предания и легенды эпохи Золотой Орды. Окончательно же произведение было оформлено в конце XVII столетия, ибо самое позднее событие, упомянутое в нем, — это башкирское восстание 1681—1683 гг. под предводительством Сайта Джагафара.

Произведение состоит из введения и шести глав. Введение связано лишь с первой и (в очень незначительной степени) второй главами. В нем приводится генеалогия предков и потомков Чингисхана. Первая глава посвящена Чингисхану, вторая глава — Аксак Тимеру (Хромому Тамерлану), третья глава — сыну Гайсы Амату. Остальные три главы сравнительно небольшие. В них представлены родословные царей, ханов и вкратце описаны некоторые события, происходившие во времена их правления. Эти главы по своим жанровым особенностям близко стоят к произведениям средневековой восточной агиографической литературы.

«Чингизнаме», которое в течение долгого времени бытовало в рукописном виде (у населения и поныне встречаются его рукописные списки) и затем было издано